

Александр Секацкий

МОГИ
И ИХ
МОГУЩЕСТВА

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С28

Секацкий А.

С28 Моги и их могущества / Александр Секацкий. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2023. — 278 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-09577-0

Трактат «Моги и их могущества» написан в духе Карлоса Кас-танеды: в мире Александра Секацкого все люди делятся на могов — дерзких и решительных, присвоивших себе могущество, которое не дано человеку от природы, работающих с таинственными силами, соблюдая технику безопасности, как физики-экспериментаторы, — и немогов. Иногда мог оказывает одному из немогов покровительство — их связывает санкция. Избранник могов, носитель такой санкции Альфер рассказывает читателю о жизни Василе-островского могущества.

В книгу включены также два эссе А. Секацкого — «Шпион и разведчик: инструменты философии» и «Книга номада».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-517-09577-0

© Секацкий А. К., 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

МОГИ И ИХ МОГУЩЕСТВА

Волейбол

Волейбол у могов — нечто среднее между развлечением и тренировкой. Но вообще, когда моги играют в волейбол, лучше не смотреть в их сторону — опасно. Да и ничего интересного для наблюдателя нет: несколько человек молча сидят или стоят вполоборота друг к другу, почти не делая движений, разве что изредка отбрасывающее движение мизинцем. Понятно, что мяча у них нет. Но по вскрику или стону случайного прохожего можно определить: ребята чем-то заняты.

В такой волейбол могут играть только моги, хотя игра основана на практике, доступной, в принципе, каждому. Это практика снятия боли, в первую очередь головной. При верной методике унять головную боль — задача несложная. Вкратце основные этапы сводятся к следующему.

1) Боль не моя, а при мне, рядом. Формула основана на принципе сгибающегося бамбука, известном со времен «Дао дэ-цзин»: чтобы победить, надо поддаться. Невозможно отогнать боль, не ведая, где она, не ощущая ее контуров: в этом случае получится лишь шараханье из стороны в сторону, рас-

плескивание боли. Неэффективен и прямой запрет не думать о боли; настаивая на этом, мы опять-таки нечто настаиваем на боли — получается горькая настойка; она вновь расплескивается.

Поэтому начинать следует с другого конца — с отдачи, с максимизации: все — боль. Надо дать боли целиком выйти в свет сознания, лишить ее скрытых резервов: вся боль здесь. Ей больше некуда прятаться. Боль, выдающая себя за нечто иное, изобличена как боль и присутствует; вот на этом надо настаивать: все, что вынесено за пределы присутствующей боли, уже не должно таить в себе опасности. Лучший внутренний проводитель спрятанной боли наружу, в явь — легкий стон. Теперь, когда вся боль здесь, когда она больше ничего не отравляет, никуда не мигрирует, а только болит, теперь она обретает контуры, края которых похожи на языки пламени. Наступает время для сжатия и концентрации, чтобы моя боль оказалась при мне, а не я при ней.

2) Абсорбированная, уплотненная боль ни с чем больше из поля сознания не увязана и может быть проецирована вовне; отправлена или сброшена в какое-нибудь болевохранилище — в любое другое сознание.

Этот момент хорошо отражен в заговорах: «Икота-икота, иди в болото», «У доченьки перестань, у кошечки заболи» и других подобных формулах.

Заговорить боль — значит снять ее, вернее, унять, то есть частично переадресовать куда-либо и там разместить.

Но боль можно и сбросить.

3) Итак, боль, уплотненная как снаряд или мячик, может быть сброшена, и весьма целенаправленно. Не будем пока тревожить явление сглаза, которое лишь частично и периферийно пересекается с данным феноменом.

Сброс боли в болевохранилище может быть осуществлен в любом избранном направлении и любому полюбившемуся адресату (аналогично разворачивается объяснение относительно икоты — кто-то меня вспоминает, или поминает — осуществляет адресацию). Но наивысшая эффективность результата достигается при прямом контакте и визуальном сопровождении посылы (подачи). Теперь понятно, в какой волейбол играют моги.

Вот они встают в кружок (или садятся), и игра начинается — в парке, на пляже, на веранде. Полезное упражнение. Голова, конечно, ни у кого не болит, ни один мог, даже если он заядлый любитель волейбола, не станет носить с собой головную боль. Но всегда присутствует (вернее, постепенно накапливается) скрытая фоновая боль, микроболь, которая путем концентрации (чистки) доводится до порогового состояния и воспринимается как действительная боль, мигающая точка. Поскольку периодическая чистка фона очень полезна, волейбол как раз и сочетает полезное с приятным. Так вот, один из могов после тщательной чистки и уплотнения несильно сбрасывает полученный шарообразный продукт партнеру. Тот принимает подачу, выжимает в нее свой болевой фон

и сбрасывает следующему. В процессе распасовки болевое ощущение, конечно, усиливается, поэтому в волейбол редко играет более четырех могов сразу.

После того как последний из партнеров получает уже довольно увесистый мячик, распасовка заканчивается и начинается собственно сама игра. Снаряд или мячик (сами могои предпочитают астрономический термин «болид») теперь уже не перебрасывается, а резко и импульсивно бросается, но могов встречает бросок во всеоружии — то есть экранирует себя. Об экране будет особый разговор, пока достаточно сказать, что в общем виде экран представляет собой упругую или инерционную защиту от эмоциогенных и логогенных воздействий — защитный отражатель. При игре в волейбол применяются отражатели с максимально упругой поверхностью. Итак, болид отскакивает от отражателя — но не просто в пространство, не безадресно; мячик направленно обращен к одному из партнеров, который, в свою очередь, отбивает его отражателем как ракеткой, опять-таки — партнеру. Идет игра.

Аналогия тут, впрочем, довольно поверхностная, не столько с волейболом, сколько с игрой в «американку». Упругий экран отбивает мячик, придавая ему новое ускорение, а кольцо играющих образует своеобразный ускоритель, в котором происходит разгон болида. Так волейбол приближается к завершающей стадии, к выбиванию. Когда в поле зрения появляется прохожий, циркулирующий в ускорителе болид, разогнанный до неслышного